

Дело в том, что людей, которые были способны осмыслить масштаб того, что происходило в перестройку, и того, что требовалось делать - их было очень мало. Они были редко представлены публично, но они старались делать серьезно свое дело.

В мае 1989 года я был почти участником Первого съезда народных депутатов СССР. Потому что тогда я был помощником народного депутата СССР Сергея Сергеевича Аверинцева, который шел от Академии наук СССР. Такой был странный, парадоксальный момент... У меня записная книжка забита домашними телефонами народных депутатов и разных других активных деятелей того времени. Когда-нибудь подарю ее для архива Горбачев-Фонда.

Поразительно, насколько многое с той поры изменилось. Но на психологическом уровне, на уровне важнейших констант поведения людей изменилось гораздо меньше, чем мы могли бы тогда ожидать, глядя на тридцать лет вперед. Фактически, мы сейчас занимаемся реконструкциями. Когда мы мыслим о сегодняшних событиях, всякий раз я себя ловлю на том, что мы занимаемся реконструкциями чего-то, что было тогда. И Чернобыля, и Съезда народных депутатов, и многих-многих еще других вещей. Проводим аналогии, иногда правильные, иногда нет.

Чем для меня знаменателен этот съезд?

Во-первых тем, что неожиданно даже для меня он вызвал доверие к перестройке, которая была, на самом деле, мирным политическим землетрясением, а не разговорами «наверху» - о чем-то, что сегодня есть, а завтра не будет. И я действительно стал участником этого процесса, я понимал, что это необратимо, потому что, действительно, появилось гражданское общество. Оно появилось как ощущение, что можно что-то сделать – заплатив за это огромную цену, - но можно что-то сделать. Даже не можно, а нужно! Сколько бы ни говорили, что от нас ничего не зависит, и мы ничего не можем, все равно этот тренд - «делание» - сохраняется как инерция того времени.

Во-вторых, появилась обратная связь, значение которой огромно. Она шла через Межрегиональную депутатскую группу, очень беспомощную, очень разношерстную, демагогичную, но реально существовавшую. Ельцин был реальной частью политики Михаила Сергеевича Горбачева. И это нельзя забывать. Почему не удалось выстроить дело так, чтобы, допустим, Балтийские республики или круги, близкие к Ельцину, оказались ближе к

Центру, а не дальше – это отдельный вопрос. Да, появилась связь с реальным обществом, в котором были и Ландсбергис, и Ельцин, и Бурбулис и т.д. Не было аферистов, открытых аферистов, открытых провокаторов не было - они появились позже. Я никогда не соглашаюсь с тем, когда их называют «либералами». Они не либералы. Они - своеобразный, местечковый, авантюристический тип примитивных марксистов, которые верят, что экономика решает все за людей, что появится псевдорынок, и что-то такое изменится – хотя это совершенно не так... А когда люди, наконец, видят, что это не так, они прибегают к тому же, к чему прибегали большевики, - к методам навязывания своей воли и отказываются уходить из власти. Они не уходят по сей день - те, кто появился у власти в конце 1991 года в России. Кстати сказать, это происходит не только в России, но и на постсоветском пространстве.

В-третьих, было огромное ощущение тревоги - оно преваляло, и оно оправдалось. Почему? Потому что было видно и на съезде, и за его стенами, насколько активны те силы, которые сопротивляются открытости реальной перестройки. Свою активность они проявили отнюдь не меньше, чем Андрей Дмитриевич Сахаров на том же самом съезде. И было видно, что Михаил Сергеевич Горбачев ориентируется на такой слой, который хочет всего хорошего против всего плохого, - но от этого слоя можно ждать абсолютно чего угодно. Наконец, еще одно обстоятельство несколько мистического порядка. Дело в том, что взрослых, состоявшихся людей (не 25-30-летних, как, допустим, я сам в те годы) - людей, которые были способны осмыслить масштаб того, что происходило, и что требовалось сделать - их было, на самом деле, очень мало. Они были редко представлены публично, но они старались делать серьезно свое дело. Сам я знал лично только четверых – могу их перечислить сейчас.

Это Андрей Дмитриевич Сахаров, отец Александр Мень, Юрий Иванович Селиверстов. (Селиверстов - автор бесподобного проекта памятника жертвам политических репрессий, который сейчас иногда вспоминают, хотя проект не был реализован. Он автор философии увековечивания памяти жертв политических репрессий, который говорил: это произошло, и нельзя сделать вид, что этого не было. Юрий Селиверстов был против восстановления Храма Христа Спасителя в первоначальном виде. Он хотел, чтобы на этом месте стоял памятник тому, что ушло и не вернется никогда – напоминание о том, что подобные разрушения не должны повториться.) Наконец, четвертый, кого я хочу назвать – это Мераб Константинович Мамардашвили.

Все эти четверо умерли в конце 1989 года – 1990 году. Я воспринял это тогда как сигнал, что нас ждет что-то очень тяжелое.

Сейчас принято говорить об исторических альтернативах, - и без конца говорят. Не люблю это занятие, но сейчас коротко все-таки скажу, чтобы это было отмечено. Мне очень досадно, что тогда не хватило мудрости, понимания и политической воли у Михаила Сергеевича Горбачева по собственной инициативе заняться решением двух важнейших политических вопросов. Это - Шестая статья Конституции и новый Союзный Договор. Как проект это надо было делать еще до Первого съезда народных депутатов и выносить на обсуждение. Насколько ситуация была бы тогда другая, сейчас, разумеется, нельзя сказать. Но тогда понимание происходящего было бы, конечно, гораздо выше. И доверия к перестройке было бы гораздо больше.

Несмотря на все это тогда оказалось, что эта структура - КПСС, (мы ей страшно не доверяли, она казалась закрытой и замкнутой, преследующей только собственные интересы) - так вот, оказалась, что эта структура готова к огромным, радикальным переменам. Это было очень неожиданно, но КПСС оказалась готова.

В заключение поставлю вопрос. Готова ли номенклатура, возвращенная за тридцать лет и в чем-то похожая на ту, прежнюю, номенклатуру КПСС, а в чем-то совершенно на нее не похожая, - готова ли она действовать разумно и ответственно, подобно тем, кто решился на перестройку? Это вопрос критически важный и тревожный, потому что изменения непременно начнутся - ничто не вечно. Не теряю надежды, что разумные, ответственные люди есть, и есть перспектива позитивных, демократических изменений в нашей стране.